

Сборник миниатюр и рассказов

ЗАТЕМНЕНИЯ

НИКИТА ГЛАЗУНОВ

Никита Глазунов

**Затемнения. Сборник
миниатюр и рассказов**

«Издательские решения»

Глазунов Н.

Затемнения. Сборник миниатюр и рассказов / Н. Глазунов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968915-3

Сборник рассказов и миниатюр начинающего писателя. В небольших по объему текстах поднимаются вопросы духовной смерти, разграничения реальности и сновидений, взаимодействия людей в сетевом обществе.

ISBN 978-5-44-968915-3

© Глазунов Н.
© Издательские решения

Содержание

Призраки	6
Берег	6
Незачем, некому, некогда	8
Лампочка	10
Молча	12
Электрик Семенов	13
Мистер Хайфиш	14
Фанатик	15
Мертвая душа	17
В легкой дымке	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Затемнения

Сборник миниатюр и рассказов

Никита Глазунов

© Никита Глазунов, 2019

ISBN 978-5-4496-8915-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Призраки

Берег

Чего он хотел от жизни?

Родившись в маленьком рыбацком захолустье, что в степи на берегу большой реки, он только и думал о том, чтобы вырваться оттуда. Порвать цепь поколений, лежащих теперь на кладбище на берегу большой реки. Еще мальчиком, не вполне осознавая себя, он смотрел на противоположный берег и знал, что «жизнь там» ничем не отличается от «жизни здесь». И, будь он «там», не изменилось бы ничего. Еще мальчиком, глядя на противоположный берег, он не хотел быть похороненным на берегу большой реки.

Это детство, непременно детские мечты и только.

Это юность, непременно юношеские грезы.

Это молодость, непременно «просто молод и ничего не понимает в жизни, только и воображает постоянно».

Это сорок лет, «семью бы уж хоть завел».

Это старик, выживший из ума, который бредит морем.

Это море. И его там нет. И никогда не было.

Каждую ночь он выходил за границу вязкой, надоедливой, бесцельной жизни и видел берег. И все... Никаких границ. Ничего не было на противоположном берегу! Понимаете?! «Того берега» не было!

Он хотел дергать за руку мать и кричать, протягивая пальцы в необозримое «вперед»: «Мама, смотри! Там нет берега! Мама, смотри...»

Но мамы не было рядом. Он всегда стоял один. В этом сне, что сводил его с ума.

Как можно представить море, если никогда его не видел?

– Мама! Мне снилось море!

– Сынок, ты же никогда не видел его. Как оно могло тебе присниться?

– Мама, но я видел! Я видел! Видел!

– Не говори глупостей. Нельзя представить море, если никогда его не видел.

– Но я видел! Старики рассказывали мне: большое, без другого берега и границ, край света... Мама, я видел это!

– Сынок, помоги отцу почистить сети.

Когда море приснилось ему в первый раз, он испугался. Над черной, беспокойной водой висела яркая и большая Луна, что рисовала путь в неведомое «туда», куда звал идти ветер. Сон не менялся, и он вскоре привык к ветру, что тянет тебя в волны, отливающие сталью лунного света. Ветер на море, не просто ветер. Он не холодный... не теплый... он живой. Он говорит с тобой и вечно зовет «туда». И стоит хоть на мгновение остаться на месте, не послушать ветер, как тысячелетняя тоска уже жжет тебя в самое сердце. И ты видишь древние корабли, что шли за красным диском Солнца в поисках неведомой земли. Краснолицых морских людей, что видели настоящую жизнь. Жизнь, после которой они лежали героями в неведомых их предкам землях, увенчанные славой подвигов. Он видел их всех, но не мог сдвинуться с места. И ветер вечно звал «туда»...

Он так и не полюбил никого. Да и не был любим. Потому что настоящих чудаков не любят. Любят тех, про кого можно говорить «мой чудак», «мой мечтатель!» или пошлое «мой лев!» Главное – «мой». Главное, чтобы чудаковатость была для всех, а для одного человека – только «мой». Чтобы дать этому человеку обмануться в своей особенности, избранности. Но это не так. «Одно» только море. А «человека-море» он так и не встретил.

Годы летели, сменялись поколения и морщины разрезали его лицо. Но сон не менялся. Сон не менялся! Он и не знал уже, чего хотел больше всего: забыться, избавиться от моря в своей голове или сотворить его в своей жизни. И со временем грань стерлась. Берега не стало. И он уже не знал, спит или просыпается, слыша зов морского ветра.

Когда он умер, его похоронили на берегу большой реки, поставив у надгробья маленький макет корабля, который он мастерил десятилетиями. Вечно улучшая, добавляя, убирая детали в надежде отправиться в бесконечное плавание под полным парусом. Но его похоронили на берегу большой реки.

И после смерти он решился и сделал шаг в воду. Волны подхватили его... и, мощными руками загребая воду и оставляя единственный берег позади, он отправился навстречу неведомой тоскливой дали. И плыл вечно.

Незачем, некому, некогда

Мир

Сидит человек. Человек мертв. Он держит пальцами сигарету, и пальцы, как по метроному, мерно стряхивают пепел.

Человек молод. Человек стар. Волосы его седь настолько, что, падая вниз, они сливаются с пеплом. Одежды порваны, и материи сильно истрепаны, и странный их цвет близок к седине.

Сухие ступни твердо уперлись в большой камень. Вокруг ничего. Нет стен, домов, строений. Бесконечная земля и каменная платформа, на которой сидит Он.

Небо круглое и кружится вокруг Него с малой скоростью. Цвет его всегда неизменен. Всегда, как только после заката, когда уже нет солнца и оранжевых отблесков. Серый, но не облачный цвет. Не такой теплый, как днем, но и не холодный, как ночью. Сухой цвет.

На земле трава не зеленого, земляного цвета. И куда ни посмотрел бы он, всюду видел землю и траву. Больше не было ни одного камня.

Если бы были еще камни, то Он ходил бы от одного к другому раз в день. И каждый новый камень отличался бы от предыдущего только тем, что на нем сидит Он.

Но ходить было некуда. Незачем. Некогда. Некому.

С той стороны, где должно было садиться солнце всегда дул ветер, не несущий ни холода, ни тепла. Ветер нес с собой пыль и мелкий сор вроде сухих листьев и маленьких веток.

В месте, где был камень, никогда не становилось теплее или холоднее. Всегда было немного прохладно.

Там никогда не шли дожди, там никогда не было воды.

Воздух был прозрачен и немного густ. И, если прорезать его рукой, покажется, что рука режет воду.

Камень был тверд. Никакой ветер не мог заставить его рассыпаться. Вечность представляла собой этот камень, который единственный был жив в мире и потому не мог умереть.

Он

Тот человек сам погубил мир вокруг.

Раньше были цветы, дети, любовь, смена времен, движение, цель, мечты, радость, стержень внутри.

Теперь остались страхи, неверие, одиночество, безвременье, постоянство, пустота, беспомощность внутри себя самого.

Всегда червь страха пожирает его изнутри. И это никогда не кончается. Он не может привыкнуть к этому. Вечно ему снится страшный сон.

«Он сидит на своем камне, вдруг все вокруг внезапно начинает меняться. Резко затихает ветер. Небо темнеет, не ограничиваясь просто черным цветом. Трава вянет, тает, и, стекая, пропадает в земле. Везде появляются камни, в точности такие же, как и тот, на котором вечно сидит Он. Резко холод обжигает все Его существо. Земля подле камня приходит в движение и словно начинает кипеть, а затем, осыпаясь, уходит в никуда. На том месте начинает виднеться огромная пасть, пожирающая землю. Кусок за куском она дробит и проглатывает вечный камень, тогда вселенский страх охватывает Его. Он понимает, но не хочет принять то, что камень погибнет. А вместе с камнем уйдет в никуда и Он сам».

Он не хочет и не старается верить в то, что все можно вернуть. Неизмеримым грузом давит на него неверие и прижимает к земле, где Он обречен остаться навсегда. В нем уже не живут мечты. И не смогут никогда, потому что последняя уже умерла.

«Когда-то неизмеримо давно Он свято верил в то, что сможет оторвать от земли руку, а затем подняться сам. Но как только Он попытался это сделать, небольшой камень упал с неба

и ударил ему по руке, прижав ее к земле навсегда. Со временем камень начал расти, и боль, приносимая им, убивала веру, пока она не умерла навсегда».

Недвижим, Он остался один. И даже если бы движение не было невозможно, найти кого-то на пустой земле Он не смог бы. Поняв это однажды, Он смирился и принял жгучее, накаленное до красноты одиночество.

«В то время, когда вера в себя уже погибла в агонии и сгорела в огненной бездне, остались крохи другой, чуждой ему изначально веры, Он решил просить о помощи. Боль неверия, давившего тяжелым камнем, помогла издать сильный, насколько вообще возможно, крик о помощи. Крик облетел землю вокруг, и не встретив никого на своем пути, вернулся к нему с обратной стороны света, воткнувшись в сердце стрелой невозможной боли одиночества».

Постепенно время погибало вместе с Ним и погружало в вязкую топь, откуда не было просвета и возможности выбраться. Мгновение и вечность смешались в мерзкую, бесформенную массу.

«Боль, приносимая одиночеством, туманила рассудок. Постепенно сладкое, хмельное безумие отравляло ему кровь и заставляло забыть о времени. Завтра не наступит никогда, а вчерашний день не вернется. Сегодня никогда не изменится. Мы привыкли, что сильнейшая боль длится лишь мгновение, но не сможем привыкнуть к тому, что мгновениеечно».

Изменить теперь что-нибудь было более невозможно. Вчера, сегодня, завтра – все слова, которыми мы характеризуем отдельные, отличные от других временные промежутки стали синонимами, а, по сути, не значили ровно ничего. Вместо них выросла монолитная, нерушимая глыба постоянства.

«Постоянная боль жгла его изнутри. Постоянно горел огонь, не оставлявший даже пепла. Ничего. Никому. Навсегда».

Пусто. В нем не осталось ничего. Сгорело все.

«Запах гари и смерти витал в обители его души. Брошено все. Он один внутри себя же самого. Он сам все бросил в топку».

Больше ничего он сделать не мог.

«Пустая оболочка недвижимо лежала на земле. Она ничего не может сделать, потому что ей ничего незачем и никогда не нужно».

Порядок

Ветер сам расставил все по своим местам. Сотворил землю, небо, вечный камень, посадил туда Его и стал вечно гнать листья и ветки в его сторону, зная, что Он никогда не оживет и не проснется, потому что незачем, некому, некогда.

Лампочка

Эти много лет спустя он остался тем, чем и был. Не время меняет человека. Не время и не века делают из него мразь или героя. Люди. Во всем виноваты люди. Это они меняют друг друга. Делают хуже или побуждают других становиться лучше. Всё люди. Только люди.

С самого рождения он был отрезан от мира четырьмя стенами камеры, в которой и провел свою жизнь, даже не осознавая, что жил. А жил ли он?

Можно на протяжении многих лет получать удары судьбы, но все же жить. Можно быть самым несчастным человеком за всю историю Земли и миров, но жить.

Но, он... не жил. У него не было ни счастья, ни горя, ни ненависти, ... не было и любви. ... А просто лампочка, горевшая в камере. Наверное, даже вольфрам в лампочке не был так одинок, как он.

Он не знал языка, свежести воздуха, шороха дождя... Всего, что с самого рождения по маленьким частицам и составляет наш мир. Он не знал того, чем мир отличается от небытия.

Не было времени, дня и ночи, времен года – всего, что одновременно ограничивает нас и дает неизмеримую свободу.

Постоянный электрический свет камеры и ее глухая тишина убили в нем человека. Человека способного мыслить, чувствовать...

С тех пор, как он оказался здесь, ничего вокруг не изменилось. Оставались стоять те же обшарпанные стены, каждый сантиметр которых он знал наизусть. В вырезе одной из стен помещалась холодная металлическая дверь, в которой ближе к полу помещалось отверстие для подачи пищи. На двери не было щеколды, и даже ручки. Вся внутренняя поверхность камеры представляла собой шесть грубых, шероховатых, но, в общем, ровных плоскостей, без значительных выступов. Из всех возможных миллионов или мириад предметов была только лампочка.

Ему никогда не было холодно или жарко. Он даже и не подозревал о существовании этих слов, и вообще слов. У него просто был один предмет, и он никак не называл его. Просто была лампочка.

Ему никогда не было ни скучно, ни радостно, ни печально. Он всегда был в постоянном настроении. У него не было настроения. Ведь ничто не могло изменить расположения духа. Ничего не изменялось за все его существование: ему давали еду, он был один, горела лампочка.

Он знал, что после того, как он посидит на мертвом полу, принесут еду. Он посидит еще столько же, и опять принесут еду.

Мысли, сознание самого себя и окружающего мира – ничего этого не было и не могло быть. Он не понимал, зачем он здесь и даже не ждал собственной смерти. Не понимал. Просто не думал ни о чем. Ничего и не было.

Он не знал, что когда-нибудь умрет. Просто умрет. Он не знал, что проходит время, и он стареет. Что когда-нибудь всему придет конец. То, что было год или десять лет назад, было тем же, что было вчера, что есть сегодня, и что будет завтра. Была лишь вероятность его смерти. А больше ничего не изменилось бы. По-прежнему он был бы один, и в камере горела бы лампочка.

Он не помнил ничего. На уровне рефлекса он знал, что его будут кормить, и так же безошибочно мог бы показать на стене определенную ямку или царапину. Больше нечего было помнить. Прошлое и будущее смешались в один и тот же вечно повторяющийся день. День, в котором он жил.

Не было времени, мира. Все кружилось внутри четырех стен и отверстия для еды. Н было ни мыслей, ни чувств. Все, что могло бы побудить его к размышлениям и заставить чувствовать, находилось за пределами его камеры и мировоззрения, которого не было. Не было ни

рождения, ни жизни, ни событий, а просто постоянно приближавшаяся смерть, о которой он не знал ничего.

Была камера, четыре стены, дверь с отверстием, он и лампочка.

Молча

Мы уже несколько дней не говорили друг другу ни слова.

Ты становилась все тише и тише. Медленно превращалась в свое бледное отражение. Голос не выражал ни эмоций, ни чувств. Ты не устала, тебе не было тяжело или больно. Не было ни истерик, ни страданий. Ты ушла тихо, неотвратимо.

Я вошел в наш дом, и стоявшая там тишина не удивила меня. Все было так же, как и всегда. Легкий дневной свет поглаживал светлые шторы, тихо стекая на пол, где лежала ты. Тоненькая, точеная, аккуратная. Идеальная. На лице не было ни счастья, ни страданий, ни умиротворения. Оно не выражало никаких эмоций. Это лицо было лишь молчаливым свидетельством того, что когда-то это была ты.

Я пошел в комнату, чтобы взять твой любимый плед из флиса сливового цвета. Снял его с нашей кровати, аккуратно поправил постель.

Было четыре часа после полудня. Я ничего не ел в тот день. В последние дни я часто забывал об этом. Решил пообедать перед дорогой. На кухне стояла вымытая тобой посуда, еще теплая.

Захотелось сладкого. Я взял вазу с печеньями и начал с недоеденного тобой. Оно показалось мне безвкусным. Щелчок вскипевшего электрического чайника эхом отозвался в голой кухне. Я взял твою белую кружку и высыпал туда пакетик растворимого кофе. Открыл дверцу под раковиной, чтобы выкинуть его. В ведре был новый мусорный пакет. Там лежали использованные шприцы и сколотые ампулы димедрола. Ты выбросила их в мусорное ведро.

Я выпил кофе, доел печенье, вытер крошки со стола, помыл кружку и поставил ее стекать на белое полотенце вверх дном.

С пледом в руках я вошел в комнату, где под слабо трепещущими шторами лежала ты. Тоненькая, точеная, аккуратная. Идеальная. На лице не было ни счастья, ни страданий, ни умиротворения. Оно не выражало никаких эмоций. Это лицо было лишь молчаливым свидетельством того, что когда-то это была ты.

Я стал укутывать тебя в твой любимый плед из флиса сливового цвета. Прикоснувшись к коже, внезапно понял, что достаточно долго пил кофе, ты уже остыла.

В квартире был тихий порядок. Обыденность и спокойствие нарушал лишь примешивавшийся к ним лекарственный запах.

Я положил тебя на заднее сиденье машины. Укутанная пледом, с подушкой под головой ты была такой же живой, как в последние дни, если не прикоснуться.

Я включил ремикс «Во мне» Земфиры на повтор. Несколько часов мы молча ехали по трассе. Это было то время дня, когда все после заката покрывается слабой синевой.

Я отвез тебя в любимое место на берегу водохранилища.

Земля там достаточно твердая, но было свежо и никакие мысли не отрывали меня от дела.

Утром, при первых лучах солнца я положил тебя, укутанную в любимый плед из флиса сливового цвета, на дно могилы и засыпал землей. Не было ни креста, ни памятника, ни даже холмика. Ровное место. Никаких слез.

Я тоже умер. Твое тело в могиле, мое – ходит по больничным коридорам в день, когда его навещают.

Электрик Семенов

Я пришел с работы. Невероятно усталый офисный работник отдела продаж. Снял пиджак в коридоре. У меня своя квартира. Снял полосатый свитер с вырезом под белую рубашку. Нашупал рукой выключатель, небрежно щелкнул по нему... что-то злобно загудело в стене, свет вспыхнул и погас.

Нехотя вызвал электрика. У меня предубеждение к НИМ, слесарям, водителям маршруток... каждый заведомо считает тебя дураком и треплом.

Хотелось отдохнуть, расслабиться, поесть... но без электричества сделать это в современной многоэтажке невозможно.

Он пришел через полчаса. Обесточил квартиру, опустив маленький рычаг автомата, что сейчас стоят вместо пробок. Сухо расспросив меня, электрик понял, что дело в коротком замыкании и розетке, которую я совсем недавно небрежно поставил. Он сел на пол, разобрал ее и стал ковыряться в проводах.

.....вскоре мы услышали движение на лестничной площадке и повернули головы направо. Он даже не успел перевести взгляд обратно на розетку, пока моя соседка-дура зачем-то успела залезть в щиток и поднять рычаг.

Его руки налились металлом, и непреодолимая сила потянула туда, к источнику тока. Сила, с которой тянет к себе твоя несчастная любовь.

Вены, словно прутья из стали вылезли, явили себя под поверхностью сжигаемой электричеством кожи. И он смотрел на меня глазами с запекающейся кровью, сотрясаясь от перегрузки, которую не способно вынести человеческое тело. Смотрел, чтобы я понял единственное желание в эти миллиарды мгновений: **УБЕЙ МЕНЯ БЫСТРЕЕ!!!**

И в эти доли секунд 220 вольт ножом щекотали его внутренности, поочередно вонзаясь в почки, печень, сердце... превращая его тело в сплошной аквариум с кровью, где уничтоженное электричеством плавало все то, что обеспечивало ему жизнь.

И вены-прутья, не выдержав перегрузки, лопнули словно струны и больше не удерживали его...

Выжженное, уничтоженное тело медленно падало на пол, пока то, что оставалось от электрика Семенова уже разрезало атмосферу земли, несясь к солнцу.

И на лету от боли нервно он срывал с себя, словно по привычке ощущаемые, куски своего мяса, еще сжигаемые электричеством.

И где-то в космическом пространстве, на полпути к Солнцу рассыпался в пыль скелет, каждый миллиметр поверхности которого будто сверлила бурмашина.

И в последнем движении агонии череп с раскрывающимися челюстями распался на атомы под действием солнечной радиации синтеза гелия...

...шеф отчитал бы меня за то, что я встретил смерть в помятой белой рубашке без галстука.

Мистер Хайфиш

Мистер Хайфиш встает по утрам.

Мистер Хайфиш улыбается каждому дню и чтит своего начальника.

Мистер Хайфиш имеет жену. Но не больше двух раз в неделю. Она делает ему по утрам кофе с молоком. В меру сладкий. В меру крепкий. На завтрак он всегда ест яичницу с беконом и читает газету.

Мистер Хайфиш читает только проверенную временем газету. Два раза за свою историю эта газета даже позволила себе критиковать правительство.

Мистер Хайфиш носит серо-зеленый сюртук, отвечающий всем требованиям серьезного человека. Волосы он всегда зачесывает строго направо.

Несмотря на это, он не правый. И не либерал. Он умеренный.

Мистер Хайфиш курит сигары. Он не любит курить, но ему положено курить сигары. По особым случаям Мистер Хайфиш позволяет себе сигары, которые курит его начальник.

Мистер Хайфиш работает в Ведомстве. Государственном Ведомстве. На благо Народа.

Мистер Хайфиш ставит подписи.

Мистер Хайфиш никогда не берет взятки. Никогда.

Мистер Хайфиш ездит на скромном служебном автомобиле и раз в год меняет его, как и все сотрудники Ведомства.

Мистер Хайфиш никогда не опаздывает.

Мистер Хайфиш никогда не берет взятки. Никогда.

Мистер Хайфиш не имеет чувства юмора, но всегда к месту говорит шутки о том, как он устал от своей жены.

Мистер Хайфиш занимается спортом. Когда меняется глава Ведомства, Мистер Хайфиш меняет вид спорта. Он всегда идет в ногу со временем.

Мистер Хайфиш раз в полгода ездит со своей женой к родственникам. Там он улыбается, дарит детям сладости и рассказывает о стабильном развитии страны.

Мистер Хайфиш не любит жену. Но он не имеет права быть холостым.

За ужином Мистер Хайфиш смотрит новости на главном канале страны и обсуждает их с женой.

По вечерам Мистер Хайфиш пьет чай с одной ложкой сахара и одной долькой лимона.

Мистер Хайфиш ходит дома в серо-зеленом халате и ложится спать всегда в одиннадцать вечера.

Мистер Хайфиш не видит снов. Это не предусмотрено.

Фанатик

Было время – жил на свете один.

Где был, когда был – нам не важно и не волнительно. Если и оставил он отпечаток свой в мире, то были это лишь чувства, стремления и эмоции, что имели одно только фанатичное направление. Им не было конца, и места на свете не было, где фанатик покой обрел бы. Он думал и чувствовал так, что мир когда-нибудь рухнул бы точно и рассыпался под непомерной тяжестью идеалов его.

Фанатик. Конечно же, был он фанатик.

Сорвался с места он самым своим рождением и пустился в путь безумный.

Он думал и чувствовал так, что быть на свете все должно лишь в полную силу, в бесконечной мере. А потому бросал и рушил он все, в чем не чувствовал абсолютного смысла и истины. В пути, все время в пути. И чуял он смертельную опасность и пустоту, и страх, когда приходилось стоять или оглядываться на свои пепельные руины.

Он верил, что есть абсолютная правда, правда для всех и всего. Готов был фанатик бороться и биться за нее день и ночь, сбивая кулаки и сердце в кровь. Да так, чтобы потом остались на земле он и правда. Но не понял мир к чему ему такая правда. Не увидел фанатик идеала в ней. Бросил он тот путь и бой.

Верил он и в то, что может быть абсолютный порядок. Хотел фанатик сбросить всех правителей и построить новый мир от самых его истоков, зная порядок и следуя ему. Способен был он положить силы свои и жизнь свою ради того. Но прислушался и не услышал в людях согласия, и сжег в себе свой идеальный мир.

Он верил, что есть непременно красота. Красота такая, что каждый замер бы при виде ее и остался бы навсегда на месте. Готов был фанатик все отдать, все потерять, что мог, только бы создать или найти красоту такую для всего мира. Но не отыскал и не сотворил он ее даже для себя. И не понял он красоту, и отринул даже слово само.

Никогда ничего не имел фанатик за душой. Он знал, что тот, кто ищет истину, не должен иметь очага и причала. Он знал, что в шаге до момента истины, в мгновении до абсолюта страх потерять все может заставить остановиться и повернуть назад. А потому не должен ничего он был иметь. Странствующий философ обязан быть голым, и обездоленным, и одиноким, ибо только так убивает он свой страх и нерешительность.

Так и скитался он годы по свету в фанатичном стремлении к истине и абсолюту. И бросал, и крушил, и жег.

И услышал он слово, за которым стоял новый идеал. Такой, что непременно абсолютно для всех, для всего, навсегда. Такой идеал, что стоял у истоков самого мира. В нем были правда, порядок и красота. Только он один имел смысл и право быть. Было имя тому идеалу – любовь.

Вновь бросил все фанатик и свернул на новый путь. И побрел. Время и силы уходили, но ему было нечего терять кроме своей фанатичной, нерушимой веры в то, что он идет единственно правильным и возможным путем к истине.

Шел он годы огненной пустыней. Стирал до крови и сжигал до костей босые ноги, но не останавливался. Едва не умирал от мучительной жажды, но не сворачивал к манящим обманчивым оазисам. Верил он, что любовь даст ему все, чего не имел. Полз раскаленными песками и увидел образ девы, что струился кристально чистой водой из источника посреди необъятной пустыни. Понял тогда фанатик, что нашел любовь.

Приблизился к ней, протянул руки и произнес:

– Я видел весь мир, но шел только к тебе с другого конца света. Я слышал все, но слушал только о тебе. Я всю жизнь держал глаза свои закрытыми, чтобы только однажды поднять

веки и увидеть тебя. Я отринул все смыслы и правды, зная лишь, что ты есть. Я был рожден и не умер, чтобы быть с тобой. Любовь, я пришел к тебе...

И сказала ему любовь:

– Уходи.

Мертвая душа

Я услышал последние слова, и все смешалось. Слились краски в бензиновый рисунок, закружившийся перед глазами. Закружились вокруг водовороты звуков. Я в прострации. Но это было ожидаемо. Я чувствую, как никогда, что это несет перемены. Стоп. Захлебнулось движение, споткнулось и полетело вперед по инерции. Голос... со мной говорит одиночество. Усталым голосом. Оно говорит, что устало, что у него слишком тяжела голова... Чувствуешь перемены? Знаешь ли ты, что потерял? Знаешь ли, когда я пришло? Знаешь ли, кто я? Знаешь ли, что я буду делать? Одиночество всегда задает много вопросов. Я предвещаю перемены. Плачет душа твоя и боится. Мечтает о прошлом и ищет собеседника. Находит меня. Пришло время. Пришло время сменить все порядки и перетасовать колоду. Знаешь ли ты, что потерял? Знаешь ли, когда я пришло? Знаешь ли, кто я? Знаешь ли, что я буду делать? В этом есть дуновение обреченности. Но мы не знаем будущего, и наверно потому не боимся его. Жизнь уже не будет такой.

У меня было время, чтобы попрощаться. День, чтобы показать мне весь мир. Пролетая в ночном небе, я вновь видел мир, в котором жил. Время уходило, и поэтому реальность иногда начинала искажаться. Но я имел день на то, чтобы попрощаться с миром. Такого волшебства я не чувствовал никогда... так легко, так просто... под таинственной луной... огибая искажения реальности... Дайте мне еще такой свободы, отпустите мои крылья... Время уходит, я не замечаю. Пытаюсь поймать, оно ускользает. Все больше искажений. Но это мой день. Я так не хочу отпускать эту свободу... сердце бьется... мое... это мое... не отбирайте это у меня... еще чуть-чуть... еще совсем немного времени... Все.

Я перехожу в другое пространство. Странные звуки, словно чей-то писк. Я бы хотел понять, что происходит, но не нахожу никого. Это так, будто открываюсь сам в себе. Распахиваю двери своей души и вижу там себя, снова и снова. Мне страшно. Я не знаю, что буду делать без себя. Страшно видеть со стороны свою душу, поющую грустную песню. Все ломается. Это словно безумие. Безумие мировых основ, это странно, но еще не дико.

- Душа моя, не покидай меня.
- Кто это сказал?
- Это сказала моя душа.
- Стоп. Душа – это я. Кто спросил?
- Душа.
- Это я. Кто это?

У меня больше не было шанса узнать правду, потому что для нее нужна истина, логика, закономерность, обусловленность... но их нет в хаосе. Это безумие искать их в хаосе. Безумие – искать в безумии разум. Я запутан совершенно. Есть ли мир? Есть ли я?

Стоп. Хватит рассуждать, это бесполезно. Чувствую прохладу, легкую печаль... мир... я буду скучать... я спел бы песню, перебирая пальцами струны гитары, сидя на холме, на краю света... это угнетение... словно теряешь кровь, и сознание покидает тебя... какие-то картины и образы... голубое небо... зеленая трава... белые лошади... все ускоряется. Я уже не успеваю подобрать мысли для того, чтобы назвать эти виды. Любовь... Все сливается в одну белую линию. Все звуки и мелодии связываются в одно ненавязчивое гудение.

Все. Все начинает рушиться. Весь мир рассыпается, словно кирпичная стена. Болезненные звуки начинают оглушать меня. Кажется, в них есть какой-то порядок. Это словно отра-

ботанный способ убить душу. Тревожно. Непонятные, абсурдные всполохи и взрывы света. Молнии? Нет. Не молнии. Молнии на небе. Неба нет. Нет земли. Я боюсь смотреть вперед. Смотреть куда? Вперед? Что такое вперед? Впервые появляется неуправляемая энергия. Душа издает первый стон.

Началось. Разряды. Энергия... та, которая лежала в основе мира, та, которая была еще до времени, бьет с умеренной холодной рассчитанной жестокостью. Разряд за разрядом. Кругом это дикое электричество. Палач всего в мире. Оно не тратит себя сразу. И пульс души начинает постепенно сбиваться. Оно добилось своего, но Оно не радуется, Оно бездушнее самой пустоты.

Начались галлюцинации... этого никогда не было, и душа знает это. Какие-то глупые, веселые, простые песни. Радужные мягкие образы. Мальчик, пускающий кораблик в лужице... теплый деревянный дом... неродное, незнакомое, но простое, притягивающее видение...

Приговор. Лучше бы душа не приходила в себя. Удары... боль, вся, что можно собрать по свету... если бы ангелы были и видели это, они непременно плакали бы и молили о ее пощаде. Нарастает напряжение... удары удары удары... если бы бог был, он бы встал на колени и стал просить Это о пощаде. Энергия, кроме нее ничего не осталось. Все – лишь электричество приносящее боль, не описываемую, не оправданную... мир погибает, потому что погибает душа. Для Оно «жестокость» – подходящее слово, но бесконечно слабое. Помножь его на бесконечность, чтобы понять, почему Оно убивает мир. Не с чем сравнить, никак не описать... Все – ядерный ад, где мгновения хватит, чтобы кожа и плоть слезли с костей, а те испарились в движении кричащих челюстей. Это нужно для того, чтобы убить душу, это нужно помножить на бесконечность по силе своей, чтобы подобраться к пониманию как можно ближе. Но его не будет никогда, потому что это хаос, убивающий мир. Это бесполезно. Мы не знаем такой силы, мы не знаем такой жестокости, мы не знаем такого отсутствия надежды, мы не знаем такого отсутствия будущего, настоящего и прошлого, отсутствия пространства, величин всего... мы не знаем такого отсутствия. Только душа попадает туда, где Оно убивает мир. Где Ничто ничтожит. Это не ад и не рай. Это там, где рождается и погибает мир... бесконечно сильные постоянные разряды рожают абсолютный свет. Глупо говорить о том, что можно увидеть, ведь есть только Ничто, убивающее мир.

Мир умер. Мы никогда не видели этих слов вместе. То, что убило мир, исчезло. Мертвый мир поет... Конец. Хаос... хаос во всем. Мир сжимается и расширяется в бесконечно малые мгновения. Дикое безумие, перевозданный хаос... Помножь абсурд, отсутствие закономерности на бесконечность большую или меньшую, и получи звуки, всполохи света и тьмы... мир сжимается, а то, что внутри него, не замечает этого, вместе с миром сжимаются все значения, миллионы световых лет становятся миллиметрами... миллиард лет секундой... и наоборот. Все теперь в этом Ничто, без законов, без оснований и мер.

Стоп. Отсчитай все назад. Была другая душа. Была родная душа той, что умерла. Она чувствует потерю. Слово «потеря» самое подходящее, но слишком слабое. Помножь его на бесконечность, и ты поймешь, что чувствует одна душа, когда другая родная ей умирает. Никогда. Никогда ее больше не будет. Никогда. Это слово не нужно умножать. Как ни пытайся изменить реальность, как ни пытайся исказить мир. Никогда. Ее больше никогда не будет. Это то, что изменит весь мир и сделает его бессмысленным и приносящим ей боль. Эта одинокая душа рада бы убить этот мир, убить себя, пройти через Это, но она будет парить в мире безвременья, в мире живом и наполненном, но пустом для нее. Вечно. Слезы боли, слезы потери – это самые

подходящие слова, но слишком слабые. Помножь их на бесконечность и растяни в вечности, тогда ты сможешь приблизиться, чтобы понять эту одинокую душу, но никогда не поймешь. Это бессмысленно. Хаос невозможно понять. Зачем она теперь? Навсегда...

А та душа умерла. Это мертвый мир. Это мир, который мертвым кровавым телом плывет по реке безвременья. Это темное пятно неба. Небо? Что такое небо? В этом мире нет ничего. Тьма и отсутствие – есть этот мир. Этот мир никогда не родится вновь. Душа умерла. Больше жизни нет. Тьма и скорбное гудение спутники этого мира в реке безвременья. Этот мертвый мир – страх. Страх – самое подходящее слово, но слишком слабое. Помножь его на бесконечность, и тогда ты сможешь приблизиться к его пониманию, но никогда не поймешь. Это бессмысленно. Хаос невозможно понять.

В легкой дымке

Он уже не помнит, сколько ему было лет, когда встретил ее.

Она... Она была непохожей на других, странной, часто замыкавшейся в себе девочкой. Выразительные, грубо говоря, породистые черты лица резко оттеняли ее от остальных девочек, чьи волосы имели неестественный отблеск, а лица были собраны из обрывков журнальных листков и держались на одной лишь косметике. Маленький, аккуратный, точеный нос, большие и прежде всего глубокие глаза, скромных размеров губки и миниатюрные, смешные, эльфийские уши. Она была как лед, как вода, как воздух, как ветер... что-то эфемерное, неосязаемое, непонятное и вместе с тем недоступное.

– Если бы можно было, потеряв ладонь о ладонь, получить воздушную нить, – говорил Он, – я бы сплел из нее холст. Если бы я умел рисовать, то на том воздушном холсте я изобразил бы тебя. – говорил Он, глядя в ее глаза на фотографии.

Вскоре Она узнала о его любви.

Встречи их были редкими, лишь урывками, что, в конечном счете, удовлетворяло обоим: Он за время копил ласку и нежность, изнывая в ожидании, и говорил, что абсолютно счастлив, видя ее совсем рядом с собой; Она же не хотела тратить лишнее время на обязательные встречи и находила около двух часов для него раз в неделю. Но Она не была плохой или злой – просто не любила его.

Он уже не помнит, когда они расстались.

Она, сидя на кровати, пела песню, Он плакал. Ему было стыдно, Он ненавидел себя за это. Пару раз Он сказал: «Не уходи!», когда удалось обнять ее. Она ответила, что еще есть время и пообещала, что возможно вернется к нему. Он шмыгал носом в ответ, улыбался и странные счастливо-горестные слезы быстро скатывались по щекам, падая ей на шею.

Потом было что-то еще. Но уже в легкой дымке, да и так давно, что Он почти ничего не помнит.

Он начал искать себя. Через год стоило выбрать профессию и учебное заведение, могущее помочь в ее получении.

Пробовал журналистику. Хотя в итоге, оказалось, она попробовала его – на крепость намерений. Он понял, что это стремление – блажь. Отказался.

Попробовал область международной политики. Остановился. Долго готовился, глотал нужные книги и в лето успешно поступил.

Он имел право на отдых. Внезапно нахлынувшее свободное время дало о себе знать – Он вновь вспомнил ее. Уже не так, уже по-новому – с легким осадком времени, в легкой дымке. Спустя неделю новый поток дыма подавил воспоминания.

Через год удалось поехать в Венгрию по обмену, где громко заявил о себе своим проектом. В европейских новостных программах об этом прошло по одной сводке. Ему же казалось, что земля вокруг трясется, вертится вокруг него.

К концу его обучения в университете проект был частично реализован. Едва получив диплом о высшем образовании, Он сел на поезд. Было время поразмыслить о новом прожитом жизненном отрезке.

«...университет, Будапешт, проект... Она!»

Ее черты лица уже не так явно представляли перед ним. Словно статуя, исполненная во льду, таяла с годами память о ней, все сильнее скрывалась в легкой дымке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.